

Кашкин Егор Владимирович
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
г. Москва

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ФАКТУРЫ ПОВЕРХНОСТЕЙ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ: К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ¹

1. Введение

Работа посвящена системам прямых и переносных употреблений лексем, характеризующих фактуру поверхности с точки зрения наличия или отсутствия неровностей (ср. рус. *скользящий пол, гладкий камень, ровное поле, шершавый язык, шероховатая доска*). Нами рассматриваются прилагательные и имеющие аналогичную семантику наречия (ср. рус. *скользя*) и стативные глаголы (ср. нен. *насорт'ась* 'быть шершавым'). Центральное место в работе занимает материал 10 уральских языков (финского, эстонского, эрзянского, мокшанского, марийского, коми-зырянского, удмуртского, венгерского, хантыйского, ненецкого). В качестве дополнительного типологического фона привлекаются данные русского языка, а также английский, испанский, китайский и корейский материал, полученный от экспертов по соответствующим языкам. Методологически мы следуем подходу, изложенному в [Рахилина, Резникова, 2013] и предполагающему типологическое исследование семантики лексем на основе анализа их сочетаемости. Основным методом сбора нашего материала послужило анкетирование информантов²; кроме того, мы использовали данные существующих словарей и корпусов текстов.

2. Прямые употребления

Для лексем со значением **отсутствия неровностей** базовая оппозиция – это **способ** восприятия поверхности: **зрительный** (ровный пол, поле) vs. **тактильный** (гладко выбритые щеки, гладкая на ощупь доска). Контексты тактильного восприятия делятся на два класса: **гладкие** поверхности (примеры даны выше) vs. **скользящие** поверхности (например, поверхность скользкой дороги или скользкой рыбы). В обследованных языках выявлены 3 стратегии категоризации этих базовых зон: (1) за каждой из них может быть закреплена отдельная лексема или отдельный набор лексем (эст. *libe* 'скользящий', *sile* 'гладкий', *tasane* 'ровный'); (2) имеется одна лексема для гладких и ровных поверхностей и другая лексема – для скользких (эрз. *нолажа* 'скользящий', *валаня* 'гладкий, ровный'); (3) одна лексема объединяет скользкие и гладкие поверхности, а другая – ровные, ср. прилагательные *wōl'ak* 'скользящий, гладкий' и *rajli* 'ровный' в хантыйских говорах сел Шурышкары и Теги.

Лексем со значением 'скользящий' могут противопоставляться по тому, характеризуют ли они **опорную поверхность** (дорогу после заморозков, вымытый пол) или же поверхность **выскальзывающего** из рук предмета (рыбу, кусок мыла, черенок лопаты), ср. эрз. *нолажа*, описывающее любой тип скользкой поверхности, и удм. *гылыт*, применимое только к опорной поверхности. Иногда языки особым образом описывают поверхность, скользкую из-за наличия **постороннего вещества**, – как венгерский язык, где прилагательное *sikos* характеризует покрытую льдом дорогу или скользкую от слизи рыбу, змею и т. п.

На прилагательные с «тактильной» семантикой в ряде языков накладывается дополнительная идея зрительного признака – **блеска**. Ярким примером здесь служит английское прилагательное *sleek*, см. подробнее [Виноградова, 2013], а в нашей выборке из уральских языков такое явление фиксируется для марийского прилагательного *яклака*, описывающего,

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884.

² Среди информантов были носители как литературных языков, так и диалектов. В необходимых случаях в тексте статьи оговаривается, к какому диалекту / говору относится конкретный пример.

с одной стороны, любые скользкие поверхности, с другой стороны, гладкие & блестящие поверхности.

Многие противопоставления в зоне отсутствия неровностей связаны с особыми ограничениями на сочетаемость признаков слов с названиями объектов определенных классов. Так, в хантыйском говоре с. Мужа особым образом характеризуются **части тела**: прилагательное *pajli*, имеющее в этом говоре семантику ‘ровный, гладкий’, не используется с их названиями; при необходимости они характеризуются по иным, смежным признакам: о гладко выбритом лице или об ухоженном лице девушки скажут *mulijət* ‘блестит’ или *xəraseŋ* ‘красивое’, гладкую кожу могут описать как *lepət* ‘мягкая’.

В некоторых языках по-разному описываются ровные **участки местности** vs. поверхности **артефактов** (предметов, создаваемых человеком), ср. венг. *sík* ‘ровный’ (об участках местности, но не об артефактах). Кроме того, для обследуемой семантической зоны часто значим конкретный тип участка местности. Одним из особых их типов оказывается **местность без гор** или других возвышенностей значительного размера. В ряде языков именно этот контекст покрывается лексемой, исходно описывающей плоскую либо приплюснутую форму предмета (ср. здесь анализ русского *плоский* в [Спиридонова, 2004]). Аналогичное употребление лексемы ‘плоский’ наблюдается в эрзянском (прилагательное *лапужа*), эстонском (прилагательное *lame*) и ижемском коми (прилагательное *плавкес*) языках. В некоторых языках прилагательное с исходным значением ‘плоский’ может описывать участок местности без любых неровностей на поверхности (например, ровное поле), как венгерское *lapos*.

Еще один особый тип участка местности – это гладкая (при штиле) **поверхность воды** в водоеме. Часто этот контекст не покрывается словами ‘гладкий’ или ‘ровный’, а характеризуется по смежным признакам, как удм. *шыпыт пукысь* (букв.: тихо сидящая) или хант. *гэтије* (букв.: спокойненькая).

Наконец, в семантической зоне артефактов возникает противопоставление **вертикального vs. горизонтального** расположения поверхности. Так, в тегинском говоре хантыйского языка прилагательное *pajli* ‘ровный’ применимо в первую очередь к наименованиям горизонтальных поверхностей (например, ровному полу), тогда как предпочтительным средством характеристики вертикальных поверхностей (например, ровной стены) будет прилагательное *tij* ‘прямой’.

В семантической зоне **наличия неровностей** наиболее богатая система противопоставлений развивается в области **шершавых** поверхностей (с регулярными тактильно воспринимаемыми твердыми неровностями, как язык кошки или шершавая от мороза кожа рук) и смежных с ними контекстов. В первую очередь эти противопоставления возникают за счет различий в свойствах неровностей. Так, они могут различаться по **размеру**, ср. небольшие неровности на поверхности языка кошки или кожи рук на морозе vs. неровности более ощутимого размера, как на коре сосны или на корке, которой покрывается рана. Эта оппозиция реализуется в финском и эстонском языках: в финской системе она противопоставляет прилагательные *karhea* (о некрупных неровностях) и *karkea* (о крупных неровностях), в эстонской – *kare* (о некрупных неровностях) и *krobeline* (о крупных неровностях).

Еще одно различие между неровностями касается их **регулярности**. Так, русское прилагательное *шершавый* характеризует только поверхность с регулярно расположенными неровностями, тогда за нерегулярно расположенные неровности отвечает прилагательное *шероховатый*. Коми-зырянское прилагательное *созорэсь* или хантыйское *karəŋ* тоже не применимы к поверхности с нерегулярными неровностями. Типологические данные, однако, показывают, что в некоторых языках лексемы, описывающие шершавые поверхности, могут относиться и к поверхностям с нерегулярными неровностями, ср. англ. *rough*.

Отдельный класс ситуаций образуют поверхности с **мягкими неровностями** (как негладкие небритые щеки). Некоторые языки допускают их описание тем же средством, что используется для шершавых поверхностей (как эст. *kare*), тогда как в ряде языков наблюдается противоположная стратегия: например, к.-зыр. *созорэсь* или хант. *karəŋ* не могут быть

применены в таком контексте, закрепляясь только за областью твердых регулярных неровностей.

Среди контекстов шершавых поверхностей могут обособляться поверхности, оказывающие **воздействие** на контактный объект (например, колючие щеки и занозистая доска). На уральском материале подобный пример обнаруживается в удмуртском, где наряду с нейтральным прилагательным *шакырес* ‘шершавый’ существует прилагательное *чогырес*, закрепляющееся именно за этим типом контекстов.

Наконец, важным параметром, уже не связанным непосредственно со свойствами неровностей, является то, может ли описываться одним и тем же словом негладкая поверхность и **грубый гибкий материал** (например, грубая ткань) – в последнем случае речь идет уже структуре предмета в целом. Во многих языках эти контексты выражаются по-разному, как, например, в русском, где прилагательное *шершавый* специализируется на характеристике поверхности, а общая структура материала описывается словом *грубый*. Однако в некоторых языках, включая и ряд уральских (эрзянский, мокшанский, финский, марийский, ненецкий), грубая ткань характеризуется тем же прилагательным, которое описывает негладкие поверхности.

3. Метафорические употребления

Метафорические употребления исследуемых лексем развиваются системно, образуя несколько моделей в зависимости от исходной семантики лексемы.

Лексемы с прямым значением ‘скользящий’ чаще всего сдвигаются в обозначение ненадежности, нестабильности человека или ситуации, ср рус. *скользящая тема*, *скользящий тун*, фин. *astua liukkaale tielle* ‘стать на скользкий путь’ (о жизненном пути человека), эст. *libe inimene* ‘льстивый (букв.: скользкий) человек’

Другая метафора прилагательных ‘скользящий’ основана на том, что по скользкой поверхности объект может быстро перемещаться. В результате их сдвиг может происходить не только в область ненадежности или нестабильности, но и в область быстроты и легкости выполнения действия. Эта модель выявлена в финском языке, где прилагательное *liukas* ‘скользящий’ используется в таких сочетаниях, как *liukas varas* ‘ловкий вор’, *liukas pelaaja* ‘игрок высокого класса’, ср. также композиты *liukasliikkeinen* ‘проворный, ловкий (букв.: со скользкими движениями)’, *liukaskielinen* ‘разговорчивый, красноречивый (букв.: со скользким языком)’).

Метафоры слов со значением ‘гладкий’ в первую очередь описывают отсутствие недостатков или затруднений, ср. рус. *Всё прошло гладко* и аналогичные примеры в марийском, удмуртском, эрзянском, эстонском языках. Близкий перенос происходит в целом ряде языков в область уверенной речи человека или свободного владения языком, ср. удм. *Вольыт вераське удмурт сямен* ‘Свободно (букв.: гладко) говорит по-удмуртски’. К этому же классу можно отнести употребление лексем со значением ‘гладкий’ для положительной характеристики человека, как в мар. *йывыжа кумылан* ‘мягкосердечный’ (букв.: с гладкой душой).

Идея отсутствия неровностей, содержащаяся в исходной семантике лексем со значением ‘гладкий’, вызывает и другой тип метафорического сдвига – в описание отсутствия ресурса или отличительных качеств. На материале уральских языков такой сдвиг фиксируется в марийском (выражение *яклака кӱсен*, букв.: гладкий карман, означает, что у человека – «обладателя кармана» нет денег), эстонском (прилагательное *sile* ‘гладкий’, описывая речь или текст, приобретает значение ‘фальшивый, поверхностный, недостаточно глубокий’) и венгерском языках (лексема *sima* ‘гладкий’ переносно означает ‘простой, обыкновенный, среднестатистический’).

Семантическим инвариантом для базового класса метафор, образуемых лексемами со значением ‘ровный’, служит идея равномерности, ср. рус. *ровный загар*, *ровно расставить стулья*, фин. *tasaisen hyvän laatu* ‘одинаково хорошее качество’, *tasaisen varma* ‘одинаково уверен’, венг. *egyenletes lélegzés* ‘ровное дыхание’, *egyenletes zúgás* ‘равномерное (букв.: ровное) гудение’.

Лексемы со значением ‘ровный’ развивают и другой класс метафор, характеризуя отсутствие отличительных качеств или малую интенсивность действия. Например, эст. *tasane* ‘ровный’ имеет также значения ‘слабый’ (например, о боли или о дожде), ‘медленный’ (например, о движении, о течении реки), ‘тихий’ (например, о звуке, о шагах, о волнах).

Лексемы с исходным значением **наличия неровностей** метафорически описывают наличие у объекта недостатков или указывают на то, что этот объект вызывает для человека затруднения, ср. характеристики некачественно выполненного действия (рус. *грубо сколоченный стол*, удм. *Кылыз шакырес* ‘У него речь хромает (букв.: Его язык шершавый)’), неприятного человека или его качеств (эст. *krobelised kumbed* ‘грубые, неотесанные манеры’ [EVS], *Isa oli laste vastu kare* ‘Отец был суров (букв.: шершав) с детьми’), хриплого голоса (шокш. эрз. *казяма вайгиль*), неприятных физиологических ощущений (эст. *Kurk on külmetusel kare* ‘В горле першит от простуды (букв.: Горло от простуды шершавое)’ [EVS]), неблагоприятных природных явлений (шокш. эрз. *казяма варма* ‘колкий, неприятный (букв.: шершавый) ветер’, *казяма телись* ‘суровая зима’).

Некоторые переносные употребления лексем наличия неровностей касаются высокой интенсивности свойства, состояния или действия. В русском языке примером такого типа служит сочетание *грубая ошибка*, см. его анализ в [Рахилина и др., 2010]. На уральском материале иллюстрацию представляет венгерский язык, где прилагательное *durva* ‘грубый’ и производное от него наречие *durván* передают в разговорном языке идею высокой интенсивности, оцениваемой как положительно, так и отрицательно, ср. *durván elfáradtam* ‘очень (букв.: грубо) устал’, *durván megijedtem* ‘жутко (букв.: грубо) испугался’, *durva autó* ‘крутая (т.е. очень хорошая) машина’.

4. Некоторые итоги. Родственные языки и лексическая типология.

Результаты проведенного сопоставления уральских языков с 5 языками других семей представляют интерес в контексте современных представлений о типологической выборке. Традиционно (см., например, [Croft, 1990]) считается, что в выборку для обеспечения ее репрезентативности должны включаться генетически и ареально не связанные языки из большого количества семей и регионов. В последние десятилетия получила распространение и внутригенетическая типология, где выборка объединяет большое количество родственных языков (см. [Кибрик, 2003]). Основное преимущество этого подхода состоит в том, что он способствует системному анализу тонких и менее заметных на широкой выборке параметров межъязыкового варьирования.

Для лексической типологии некоторыми исследователями тоже отмечалась осмысленность включения в выборку близкородственных языков в силу часто значительных расхождений в их лексико-семантической системе и возможность выявить на таком материале значительное число семантических противопоставлений. Но выводы при этом были основаны на сопоставлении 2–4 родственных языков (см., например, [Рахилина, Прокофьева 2004], [Majid et al., 2007]).

Полученные нами данные показывают, что исследование значительного набора родственных языков позволяет выявить дробную структуру семантических противопоставлений в прямых значениях и существенное число метафор. При этом закономерности, обнаруженные на уральском материале, подтверждаются при его сравнении с языками других семей. На более широкой выборке воспроизводятся как основные противопоставления между прямыми значениями, так и модели метафорических сдвигов. Тем самым, наш материал демонстрирует, что изучение набора родственных языков оказывается безусловно релевантным для лексической типологии, а в дальнейшем может служить базой для исследования на более широкой выборке.

Сокращения

англ. – английский; венг. – венгерский; к-зыр – коми-зырянский; мар. – марийский; нен. – ненецкий; рус. – русский; удм. – удмуртский; фин. – финский; хант. – хантыйский; шокш. – шокшинский [диалект]; эрз. – эрзянский; эст. – эстонский.

Литература

Виноградова О. И. К лексической типологии признаков слов, описывающих фактуру поверхностей: данные венгерского языка // Проблемы лексико-семантической типологии. Сборник научных трудов. Вып. 2. Воронеж, 2013. С. 39–71.

Кибрик А. Е. Родственные языки как объект типологии // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 191–195.

Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60–78.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. № 2. 2013. С. 3–31.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / отв. ред. Рахилина Е. В. М., 2010. С. 398–455.

Спиридонова Н. Ф. Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Апресян Ю. Д. М., 2004. С. 235–241.

Croft W. Typology and universals. Cambridge, 1990.

Eesti-vene sõnaraamat (Эстонско-русский словарь). [Электронный ресурс]: www.eki.ee/dict/evs

Majid A., Gullberg M., Van Staden M., Bowerman M. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // Cognitive linguistics, 18–2 (2007). P. 179–194.

Колоколова Ольга Алексеевна

*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск*

МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА» В РОМАНЕ А. ТИМОНЕНА «МЫ – КАРЕЛЫ»

Мотив «блудного сына» – один из наиболее распространенных в русской литературе евангельских сюжетов со времен древнерусского периода вплоть до XX века. Особенно часто встречается он в литературе XX столетия в период войн и революций, потери веры, жизненных ориентиров. Проблема рецепции этого евангельского мотива достаточно полно освещена в критической и научной литературе как на материале творчества русских писателей, так и писавших на других языках России. Представляется важным исследовать этот мотив также в литературе Карелии, что ранее не рассматривалось как самостоятельная проблема. Сложная судьба многих представителей карельского и финского народов в годы революции и гражданской войны связана с оставлением отчего дома, родины, чувством утраты смысла жизни, вины, невольного предательства. Это послужило материалом для создания ряда произведений карельскими писателями, в том числе романа «Мы карелы» (1969 – на фин. яз; 1971 – пер. Т. Сумманена) А. Тимоненом, известным писателем Карелии, карелом по национальности, писавшем на финском языке.

В своих воспоминаниях А. Тимонен пишет о том, что он хорошо знал тексты Священного Писания [Иванов, 1986, с. 42]. Напомним, что карельский народ является носителем христианской культуры, православие в Карелии было принято еще в XIII веке [Чистович, 1856]. Поэтому, можно предположить, что в творчестве писателя библейская тема имеет особое значение: включение в художественное полотно романа христианских образов, символов, героев, живущих по законам христианской морали.

Не утверждая сознательного привлечения текста евангельской притчи к сюжету романа А. Тимонена, считаем возможным рассмотреть образ «блудного сына» на уровне архетипа. Евангельские символы, являющиеся знаковыми в мировой культуре на протяжении многих столетий, по словам А. В. Чернова, «переходят на уровень архетипов, т. е. наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве» [Чернов,